

ствовали в определенном направлении—они усиливали и влияние прирожденно-унаследованных особенностей».

Значение очерка О. Аптекмана и его наблюдений над ходом болезни Гл. Успенского—весьма значительно.

Второй очерк «Общественные типы в сочинениях Г. И. Успенского» является попыткой классификации героев Гл. Успенского. Но здесь у О. Аптекмана не все является выдержанным и самое понятие «народная интеллигенция» довольно расплывчато. Мих. Иванович из очерков «Разоренье» является, по совершенно справедливому определению Овсянко - Куликовского, предтечей сознательного пролетариата. Во всяком случае, перед нами подлинный представитель «возмущенной чести» своего класса. «Иваны» из «Наблюдений одного лентяя» это есть уже бледная вариация первоначального, ярко - обрисованного типа.

Но далее, отмечая Федюшу из рассказа «Голодная смерть» и Василия Хомякова из рассказа «Хорошая встреча», О. Аптекман упускает из виду гораздо более яркую фигуру представителя интеллигенции из народа, фельдшера Кузьмичева, из цикла «Скучающая публика». Этот фельдшер Кузьмичев, бывший простой крестьянин—одно из самых ярких художественных достижений в творчестве Гл. Успенского.

Характеристика хозяйственного мужика Ивана Ермолаевича после Плеханова (статья об Успенском) ничего нового не вносит. Далее О. Аптекман отмечает типы хищников и деревенского пролетария Ивана Босых.

Характеристика «кающейся» интеллигенции («Чудак-барин» и Михаил Михайлович) уже исчерпана предшествовавшей критической литературой, а потому О. Аптекману не приходится по этому вопросу говорить что -нибудь новое.

В общем, книга представляет несомненный интерес и заслуживает внимания со стороны читателей.

И. Кубиков.

П. ПЕРЦЕВ. Ранний Блок. Изд. «Костры». 75 стр. А. БЕЛЫЙ. Воспоминания о Блоке. «Северные дни». Сборник II, стр. 131—155. ПАМЯТИ АЛ. БЛОКА. (А. Белый, Иванов-Разумник, Штейнберг). Изд. Вольфилы. 63 стр. К. И. ЧУКОВСКИЙ. Книга об А. Блоке, изд. «Эпоха», 121 стр.

Для Блока наступает история. Прошло меньше года с его смерти, и уже ясно чувствуешь—поэт в прошлом, быть может, он скоро станет далеким. Есть что-то хрупкое, изысканно-кратковременное в его поэзии, и когда перелистываешь критику или воспоминания о нем—чувство хрупкости только усиливается. Особенно подчеркивает это чувство небольшая книжка П. Перцева, посвященная «раннему Блоку». «Я и теперь считаю,—говорит он,—«Стихи о прекрасной даме» самым чудесным из чудес Блока, и его дебют самым удивительным началом». Очень тщательно в книге собраны письма поэта, его забытые стихотворения, варианты. Рассказано о первых стихах в «Новом Пути», о литературной обстановке того времени. Много незаменимых штрихов, все вместе—прекрасное, отвлеченное, замкнутое в грезе, мечте. Таким, вероятно, и был Блок этого раннего периода. Его «общественность»,—о которой иногда говорит Перцев? Общественность поэта с Соловьевым и символизмом, общественность, которой он, в конце концов, и не выдержал.

Многого можно было ожидать от воспоминаний и статьи А. Белого. Связанный с Блоком долголетней дружбой, в некоторых отношениях единством мировоззрения, он мог сказать о нем больше других.

Интереснее, свежее всего переданы биографические, бытовые черты. «Во мне было что-то исконное, московское, от доброго времени Станкевичевского кружка, где гегелианизировали до такой степени, что свою гегелианизацию проводили в жизнь... разница была только в том, что тогда гегелианизировали, а мы «соловьезировали» и также старались Соловьева протиснуть даже в семейную жизнь. В А. А. не было совершенно Московского духа, ничего от Станкевичевского кружка». «Он

быд выдержанный петербуржец и мог казаться холодным, — он, который был весь огонь».

«Говорил он мало. Говорил короткими фразами, которые подчас трудно вспомнить». Еще любопытны замечания о связи шахматовского пейзажа (подмосковной усадьбы) с стихотворениями «Нечаянной Радости», любопытны мелочи из литературной жизни того времени.

Совсем иное впечатление оставляет статья-речь, произнесенная в заседании Вольфилы. Это очень неясная, очень натянутая попытка связать три книги поэта, пользуясь антропософской символикой. «Цвета Блока» толкуются в оккультном смысле: «сине-серый цвет эпохи 97—99-го годов сменяется красным цветом зари», потом «исчезает зря и появляется лилово-зеленый тон».

Быть может, кому-нибудь из «посвященных» это что-нибудь и говорит, но мы предпочитаем более простой способ мышления, доведенный А. Белым до какой-то принципиальной загадочности. Тут же, как полагается, разбросаны суждения о «софийности», о Данте, о второй части Фауста, суждения, несмотря на мистический туман, довольно поверхностные, и сшитые на живую нитку.

Ясно одно, — или стихотворения Блока должны выдержать испытание, как стихи, как поэзия, или они только воспоминания, связанные с символизмом.

Нам думается, не стоит выдвигать последнего в ущерб первому. Поэтому гораздо правильнее поступил К. Чуковский, занявшийся Блоком, как поэтом по преимуществу. Его книга — это, пожалуй, записки критика-читателя, не до конца полные, но ценные уменьем наблюдать, без псевдо-учености. Конечно, здесь много психологии, переживания, субъективности, но без этого, в конце концов, не пишутся книги о поэтах. Основная мысль, поскольку речь идет о духовном облике Блока — его двойственность (эту же черту отмечает Перцев). — «Тут та изумительная двойственность, в которой было главное обаяние лирики Блока: пафос, разъедаемый иронией: ирония, побеждаемая лирикой; хула и хвала одновременно. Все двоилось у него в душе, и причудливы были те со-

четания веры с безверием, которые сделали его столь близким современной душе». Очень верно подмечена и тайна власти лирики Блока — его ритм, напевность, действовавшие помимо, иногда вопреки очевидному смыслу слов. Вообще книга Чуковского нам кажется наиболее ценной из всего, сказанного о Блоке до сих пор.

Конечно, во всех статьях и книгах говорится об отношении Блока к революции. Этому целиком посвящена брошюра Львова-Рогачевского, которую мы назовем публицистической лирикой, или лирикой публициста со всеми неизбежными недостатками такого жанра.

Почти все сходится в оценке «Двенадцати» в том, чем была для Блока революционная Россия. «Несомненно, — говорит Чуковский, — нашу революцию он принял лишь постольку, поскольку она воплотила в себе русскую народную бунтующую душу, ту самую, которую воспел, напр., Достоевский».

Эту мысль с некоторыми оттенками можно встретить и у остальных авторов, так или иначе, но она представляется наиболее правдоподобной.

Н. Локс.

В. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ. Поэт - пророк. Памяти А. Блока. Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве». 1921. Стр. 50.

В 1920 г. в своих «Очерках по истории новейшей русской литературы» (1881—1919 г.) В.Л. Львов-Рогачевский нашел возможным уделить Блоку всего только несколько *строк*, несколько общих фраз (зато Сергееву-Ценскому отведена целая глава, полная восторженных похвал). Блок трактуется здесь, как «тихо грезящий поэт», который «ждет в чадном ресторанчике, и в балаганчике, и в тихом монастыре» явления Прекрасной Дамы. «Этому отуманиванию, — поясняет критик, — помогает порой «Ресторанчик», «Кабачек», воспетый неоднократно тихо грезящим поэтом» (стр. 78).!

В 1921 г. — под непосредственным впечатлением смерти Блока и пышных литературных тризнов, критик спохватился и наспех набросал популярно-критический очерк.